

П. Кропоткин

**В русских и французских
тюрьмах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К83

К83 **Кропоткин П.**
В русских и французских тюрьмах / П. Кропоткин – М.: Книга по Требованию,
2016. – 248 с.

ISBN 978-5-458-54668-3

ISBN 978-5-458-54668-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе автора къ русскому изданію.

Книга „Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ“ составилаь большею частью изъ статей, которыя я написалъ для англійскаго журнала *Nineteenth Century* въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ Англіи тогда началъ пробуждаться интересъ къ русскому освободительному движенію; въ печать, долго находившуюся подъ вліяніемъ агентовъ русскаго правительства, стали проникать, наконецъ, правдивыя свѣдѣнія объ ужасахъ, которымъ подвергали въ тюрьмахъ заарестованныхъ и приговоренныхъ революціонеровъ. Меня попросили написать объ русскихъ тюрьмахъ, и я воспользовался этимъ предложеніемъ, чтобы разсказать про ужасное состояніе нашихъ тюремъ вообще.

— „Революціонеры“, думалъ я, ведутъ войну съ правительствомъ, и какъ бы съ ними ни обращались ихъ враги, имъ противно плакаться на свою судьбу. Они знаютъ, что они—воюющая сторона, и пощады не просятъ. Правда на ихъ сторонѣ, и они вѣрятъ въ успѣхъ своей борьбы.

„Но есть сотни тысячъ людей изъ народа, которыхъ хватаютъ каждый годъ ни за что ни про что, морятъ по острогамъ, гонятъ въ Сибирь, и надъ которыми издѣвается всякій, кто только натянеть на себя мундиръ. Объ нихъ надо писать, думалъ я, и попытался разсказать англичанамъ и американцамъ, что такое эта ужас-

ная система русских остроговъ, центральныхъ тюремъ, пересыльныхъ тюремъ, этаповъ и каторги, въ Сибири и на Сахалинѣ.

Сдѣлать это пришлось, конечно, вкратцѣ, такъ какъ интересъ къ русскимъ тюрьмамъ, у иностранныхъ читателей, можетъ быть только косвенный. Въ матеріалахъ тогда недостатка не было. Русская печать, пользуясь временною свободою при Лорисъ - Меликовѣ, давала много поразительныхъ данныхъ.

Весьма вѣроятно, что я ничего не сказалъ бы въ моихъ очеркахъ о томъ, какъ обращаются въ Россіи съ политическими заключенными, если бы агенты русскаго правительства не вынудили меня къ этому. Встревоженные извѣстіями, начинавшими проникать въ англійскую печать, они принялись отрицать самые твердо-установленные факты звѣрствъ, совершенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ, а Петропавловскую Крѣпость они начали выставлять, какъ образецъ самаго кроткаго, человѣчнаго обращенія со злодѣями—революціонерами. Это—какъ разъ въ то время, когда въ Алексѣевскомъ равелинѣ происходили ужасы, недавно рассказанные въ печати Поливановымъ!

Въ особенности вынудилъ меня къ этому нѣкій англійскій священникъ, Ланселль (Л. Н. Толстой превосходно охарактеризовалъ его въ „Воскресеніи“), промчавшійся на курьерскихъ по Сибири, ничего, конечно, не видѣвшій и написавшій преподленькую книжку объ русскихъ тюрьмахъ. Наши тюрьмы были тогда подъ управленіемъ нѣкоего Галкина-Врасскаго,—чиновника съ претензіями, который собирался созвать международный тюремный конгрессъ въ Петербургѣ, чтобы усилить свое вліяніе въ Аничковомъ Дворцѣ, и нашедшій въ Ланселлѣ нужнаго ему хвалителя его „тюремныхъ реформъ“.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Толстой, тоже покровительствовалъ этому хвалителю, и даже велѣлъ показывать ему Петропавловскую Крѣпость—т.-е., конечно, не равелины, а Трубецкой бастіонъ. Когда же я разобралъ въ англійской печати книжку этого Лансделля, то отвѣтъ на мои замѣчанія былъ написанъ, какъ я узналъ впоследствии, въ Петербургѣ. Тотъ-же г. Галкинъ-Враскій прислалъ отвѣтную статью, которую англійскій священникъ долженъ былъ напечатать за своею подписью—и напечаталъ въ *Contemporary Review*. Мой отвѣтъ на эту статью составляетъ главу VII этой книги.

Кстати,—два слова по поводу этого отвѣта. Писалъ я его въ Ліонской тюрьмѣ. Отвѣтить Лансделлю—т.-е., русскимъ чиновникамъ—было необходимо; Сергѣя Кравчинскаго тогда еще не было въ Англіи; и я торопился написать мою отвѣтную статью, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ идти на судъ, и тотчасъ послѣ суда, куда насъ еще не отправили отбывать наказаніе въ какую-нибудь „Централку“. Статья была готова. Но первою заботою французскаго правительства было—строжайше запретить, чтобы что бы то ни было писанное мною противъ русскаго правительства выходило изъ французской тюрьмы. Мнѣ сказали, поэтому, когда я захотѣлъ послать мою статью въ Лондонъ, что это—невозможно. Надо отослать ее на просмотръ въ Парижъ, въ министерство, гдѣ ее задержать, если она противъ русскаго правительства.

Къ счастью, докторомъ Ліонской тюрьмы былъ г-нъ Лакассанъ, писатель по антропологіи, который заходилъ раза два ко мнѣ въ камеру поговорить объ антропологическихъ вопросахъ. Жена его знала хорошо по-англійски, и онъ предложилъ, чтобы она процenzуровала мою статью. Директоръ тюрьмы согласился, лишь-бы его

отвѣтственность была покрыта. А госпожа Лакассанъ, конечно, сразу увидала, что статья—именно изъ тѣхъ, которыя не должны выйти изъ тюрьмы; а потому—взяла грѣхъ на свою душу и поторопилась на другой же день отослать мою статью въ Лондонъ.—Хоть теперь, заочно, позволю себѣ поблагодарить ее. Добрые люди вездѣ есть.

Извѣстно, что русскіе министры думали такимъ же образомъ воспользоваться американцами Кеннаномъ и Фростомъ, которыхъ послалъ одинъ американскій журналъ провѣрить на мѣстѣ состояніе русскихъ тюремъ. Но они осѣклись. Кеннанъ выучился по-русски, пере-знакомился со всѣми ссыльными въ Сибири и правдиво рассказалъ то, что узналъ.

Теперь ссылка въ Сибирь—по крайней мѣрѣ, по суду—отмѣнена, и кое-гдѣ внутри Россіи понастроили „реформированныхъ“ тюремъ. По отношенію къ русскимъ тюрьмамъ моя книга имѣетъ, такимъ образомъ, интересъ преимущественно историческій. Но пусть-же она будетъ хоть историческимъ свидѣтельствомъ того, съ какой невообразимой жестокостью обращалась съ русскимъ народомъ наша бюрократія цѣлые тридцать или сорокъ лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Пусть же знаютъ всѣ, что они поддерживали, какъ они противились тридцать лѣтъ самымъ скромнымъ преобразованіямъ,—какъ попирали они всѣ самыя основныя права человека.

А впрочемъ,—точно ли теперешнія русскія тюрьмы измѣнились къ лучшему? Бѣлилъ, да тертаго кирпича тратятъ теперь побольше,—спора нѣтъ—въ разныхъ „Предварительныхъ“ и образцовыхъ „Крестахъ“. Но *суть*, вѣдь, осталась та же. А сколько сотенъ самыхъ

ужасныхъ старыхъ остроговъ, пересыльныхъ тюремъ и этаповъ остается по сію пору въ рукахъ всякихъ мундирныхъ злодѣевъ! Сколько тысячъ народа ссылагается по-прежнему въ Сибирь—только подальше—административнымъ порядкомъ! Сколько злодѣйствъ совершается сейчасъ, въ настоящую минуту, по набитымъ до невозможности тюрьмамъ! Полы, можетъ быть, моются чище; но таже система аракчеевщины осталась, или еще стало хуже, сдѣлавшись хитрѣе, ехиднѣе, чѣмъ прежде. Кто же завѣдуетъ этими тюрьмами, какъ не тѣ же ненавистники русскаго народа?

Одна изъ главъ этой книги посвящена описанію того, что я видѣлъ во французскихъ тюрьмахъ:—въ Ліонской, губернской и въ „Централкѣ“, въ Клерво. Тѣмъ, которые не преминутъ сказать, что тутъ, можетъ быть, есть преувеличеніе, замѣчу только, что этотъ очеркъ, переведенный въ Temps, былъ признанъ во Франціи настолько объективнымъ, что имъ пользовались какъ документомъ въ Палатѣ, въ преніяхъ о тюремной реформѣ. Во Франціи, какъ и вездѣ, вся система тюремъ стоитъ на ложномъ основаніи и требуетъ полнѣйшаго пересмотра,—честнаго, серьезнаго, вдумчиваго пересмотра со стороны общества.

Двѣ послѣднія главы моей книги посвящены, поэтому, разбору глубоко вреднаго вліянія, которое тюрьмы повсемѣстно оказываютъ на общественную нравственность, и вопросу о томъ,—нужно-ли современному человечеству поддерживать эти несомнѣннозловредныя учрежденія?

Если бы мнѣ предстояло теперь написать сызнова объ этомъ послѣднемъ вопросѣ, я могъ бы доказать свои положенія съ гораздо большею полнотою, на осно-

ваніи цѣлой массы накопленныхъ съ тѣхъ поръ наблюденій и матеріаловъ, а также нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдованій, которыми обогатилась литература. Но именно обиліе наличныхъ матеріаловъ заставляетъ меня отказаться отъ мысли разработать сызнова этотъ въ высшей степени важный вопросъ. Впрочемъ, онъ настолько настоятеленъ, что несомнѣнно найдутся молодые силы, которыя возьмутся за эту работу въ указанномъ здѣсь направленіи. Въ Америкѣ такая работа уже начата.

Бромлей. Англія.

Февраль, 1906 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ сутолокѣ жизни, когда вниманіе наше поглощено повседневными житейскими мелочами, мы всѣ бываемъ склонны забывать о глубокихъ язвахъ, разѣдающихъ общество, и не удѣляемъ имъ того вниманія, котораго онѣ въ дѣйствительности заслуживаютъ. Иногда въ печать проникаютъ сенсаціонныя „разоблаченія“, касающіяся какой-либо мрачной стороны нашей общественной жизни и если эти разоблаченія успѣваютъ хоть немного пробудить насъ отъ спячки и обратить на себя вниманіе общества, — въ газетахъ, въ теченіи одного-двухъ мѣсяцевъ, появляются иногда превосходныя статьи и „письма въ редакцію“ по поводу затронутаго явленія. Нерѣдко въ этихъ статьяхъ и письмахъ проявляется не мало здраваго смысла и высокой гуманности, но обыкновенно подобная, внезапно поднятая въ прессѣ и обществѣ, агитація вскорѣ замираетъ. Прибавивъ нѣсколько новыхъ параграфовъ къ существующимъ уже сотнямъ тысячъ узаконеній; сдѣлавъ нѣсколько микроскопическихъ попытокъ съ цѣлью бороться, путемъ единичныхъ усилій, съ глубоко укоренившимся зломъ, которое можно побѣдить лишь усиліями всего общества, — мы снова погружаемся въ мелочи жизни, не заботясь о результатахъ недавней агитаціи. Хорошо еще, если, послѣ всего поднятаго шума, положеніе вещей не ухудшилось.

Такова судьба многихъ общественныхъ вопросовъ, и въ особенности—вопроса о тюрьмахъ и заключенныхъ.

Въ этомъ отношеніи очень характерны слова миссъ Линды Джильбертъ (американской м-рсь Фрай): „едва человѣкъ попалъ въ тюрьму, общество перестаетъ интересоваться имъ“. Позабывшись о томъ, чтобы арестантъ „имѣлъ хлѣба для ѣды, воды для питья и побольше работы“,—общество считаетъ выполненными всѣ свои обязанности по отношенію къ нему. Отъ времени до времени кто-либо, ознакомленный съ тюремнымъ вопросомъ, поднимаетъ агитацію по поводу сквернаго состоянія нашихъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія. Общество, въ свою очередь, признаетъ, что необходимо что-нибудь предпринять для излѣченія зла. Но всѣ усилія реформаторовъ разбиваются о косность организованной системы, такъ какъ приходится бороться съ общераспространеннымъ предубѣжденіемъ общества противъ тѣхъ, кто навлекъ на себя кару закона; а потому борцы скоро устаютъ, чувствуя себя одинокими: никто не приходитъ имъ на помощь въ борьбѣ съ колоссальнымъ зломъ. Такова была судьба Джона Говарда (Howard) и многихъ другихъ. Конечно, небольшія группы людей, обладающихъ добрымъ сердцемъ и недюжинной энергіей, продолжаютъ, не взирая на общее равнодушіе, хлопотать объ улучшеніи быта арестантовъ или, точнѣе выражаясь, объ уменьшеніи вреда, приносимаго тюрьмами ихъ невольнымъ обитателямъ. Но эти дѣятели, руководимые исключительно филантропическимъ чувствомъ, рѣдко рѣшаются критиковать самые принципы, на которыхъ покоятся тюремныя учрежденія; еще менѣе занимаются они обслѣдованіемъ тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ каждый годъ милліоны человѣческихъ существъ попадаютъ за стѣны тюремъ. Дѣятели этого типа пытаются лишь смягчить зло, но не подрѣзывать его у самаго корня.

Каждый годъ около милліона мужчинъ, женщинъ и дѣтей попадаютъ въ тюрьмы одной Европы, и на содержаніе каторжныхъ и участковыхъ тюремъ тратится ежегодно около 100,000,000 рублей, не считая расходовъ на содержаніе той сложной судебной и административной машины, которая поставляетъ матеріалъ для тюремъ. А между тѣмъ, за исключеніемъ немногихъ филантроповъ и профессионально заинтересованныхъ лицъ, — кого интересуютъ результаты, достигаемые при такихъ громаднхъ затратахъ? Оплачиваютъ ли наши тюрьмы громадную затрату человѣческаго труда, ежегодно расходуемаго на ихъ содержаніе? Гарантируютъ ли онѣ общество отъ возникновенія снова и снова того зла, съ которымъ онѣ, — какъ предполагается, — неустанно борются?

Въ виду того, что обстоятельства моей жизни дали мнѣ возможность посвятить нѣкоторую долю вниманія этимъ важнымъ вопросамъ, я пришелъ къ заключенію, что, можетъ быть, будетъ не бесполезнымъ подѣлиться съ читающей публикой, какъ моими наблюденіями надъ тюремной жизнью, такъ равно и тѣми выводами, къ которымъ меня привели мои наблюденія.

Съ тюрьмами и ссылкой мнѣ пришлось впервые познакомиться въ Восточной Сибири, въ связи съ работами комитета, учрежденнаго въ цѣляхъ реформы русской системы ссылки. Тогда я имѣлъ возможность ознакомиться, какъ съ вопросомъ о ссылкѣ въ Сибирь, такъ равно и съ положеніемъ тюремъ въ Россіи; тогда же мое вниманіе впервые было привлечено къ великимъ вопросамъ „преступленія и наказанія“. Позднѣе, съ 1874 по 1876 гг., въ ожиданіи суда, мнѣ пришлось провести почти два года въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, гдѣ я могъ наблюдать на моихъ товарищахъ

по заключенію страшныя послѣдствія одиночной системы. Оттуда меня перевели въ только что выстроенный тогда Домъ Предварительнаго Заключенія, считавшійся образцовой тюрьмой въ Россіи; наконецъ, отсюда я попалъ въ военную тюрьму при С.-Петербургскомъ военномъ госпиталѣ.

Когда я находился уже въ Англіи, въ 1881 г., ко мнѣ обратились съ предложеніемъ сообщить въ англійской печати о положеніи въ русскихъ тюрьмахъ людей, арестуемыхъ по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ; правдивое сообщеніе подобнаго рода являлось настоятельной необходимостью, въ виду систематической лжи по этому поводу, распространявшейся однимъ агентомъ русскаго правительства. Я коснулся этого вопроса въ статьѣ о русской революціонной партіи, напечатанной въ *Fortnightly Review* (въ іюнѣ 1881 г.). Хотя ни одинъ изъ фактовъ, приведенныхъ въ вышеупомянутой статьѣ, не былъ опровергнутъ агентами русскаго правительства, но въ тоже время были сдѣланы попытки провести въ англійскую прессу свѣдѣнія о русскихъ тюрьмахъ, изображавшія эти тюрьмы въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Тогда я, въ свою очередь, вынужденъ былъ въ рядѣ статей, появившихся въ „*Nineteenth Century*“, разобрать, что такое представляютъ собою русскія тюрьмы и ссылка въ Сибирь. По возможности воздерживаясь отъ жалобъ на притѣсненія, претерпѣваемыя нашими политическими друзьями въ Россіи, я предполагалъ дать въ своихъ статьяхъ понятіе о состояніи русскихъ тюремъ вообще, о ссылкѣ въ Сибирь и о результатахъ русской тюремной системы; я рассказалъ о невыразимыхъ мученіяхъ, которыя испытываютъ десятки тысячъ уголовныхъ арестантовъ въ тюрьмахъ Россіи, на пути въ Сибирь и, наконецъ, въ самой Сибири, — этой колос-